

Ольга Лу
Попаданка:
из содержанки
в графини

Ольга Ли

Попаданка: из содержанки в графини

<https://litres.ru/74206673>

Аннотация

Меня зовут Кристина, и ещё вчера я была обычной московской эскортницей на содержании у богатого папика. Но ночная авария перевернула мою жизнь: я проснулась в теле знатной девицы, вынужденной выживать в мире, где слово женщины почти ничего не значит без поддержки сильного мужчины. Здесь, где магия реальна, а интриги смертельно опасны, я стала Кристенной, которая пережила не меньше моего, а ещё через два дня у неё свадьба с brutальным графом, чьи глаза полны хищного блеска. Подозреваю, что этот властный мужчина выбрал меня не случайно... Всё, что у меня есть — симпатичная мордашка, расчётливый ум и... постельные трюки, которые я освоила в своём мире. Чтобы выжить, мне придётся разыграть страсть, даже если настоящие чувства окажутся опаснее любого заговора. Я готова рискнуть, потому что больше умирать не хочу. А вы готовы сыграть со мной? *Вкусный кусочек — Не бойся, милая, — его голос низкий, дрожащий от желания и этой порочной игры. — Я буду нежен... Его пальцы скользят по моей шее, заставляют кожу покрыться мурашками, затрепетать, а потом его губы находят

мои. Поцелуй сначала лёгкий, едва ощутимое прикосновение, тёплое, почти ласковое. Но недолго хищник сдерживает себя, и вот уже ласки становятся глубже: его язык проводит по моей нижней губе, требует разрешения, и я открываюсь, впускаю его. Кайдэн захватывает мой рот с медленной, сладкой властью завоевателя и явно наслаждается, ему по вкусу моя покорность, смешанная с неопытностью и горячностью. Адский коктейль, который я умею подавать как никто! Я издаю стон, неуверенно и сладко. Он отвечает тем же, и от этого глухого звука по спине пробегает дрожь.

Однотомник, самостоятельная история

За обложку, редактуру, визуалы и профессионализм благодарю своего бессменного редактора Ану Ховскую!

Содержание

Глава 1. Чёрная вода	5
Глава 2. Чужая боль	17
Глава 3. Лиса начинает игру	37
Дракон желает нелюбимую жену!	59
Глава 4. Прощай, клетка!	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1. Чёрная вода

Вкусный кусочек

— Не бойся, милая, — его голос низкий, дрожащий от желания и этой порочной игры. — Я буду нежен...

Его пальцы скользят по моей шее, заставляют кожу покрыться мурашками, затрепетать, а потом его губы находят мои.

Поцелуй сначала лёгкий, едва ощутимое прикосновение, тёплое, почти ласковое. Но недолго хищник сдерживает себя, и вот уже ласки становятся глубже: его язык проводит по моей нижней губе, требует разрешения, и я открываюсь, впускаю его. Кайдэн захватывает мой рот с медленной, сладкой властью завоевателя и явно наслаждается, ему по вкусу моя покорность, смешанная с неопытностью и горячностью. Адский коктейль, который я умею подавать как никто!

Москва, май 2025 года

Тёплая ночь, я выхожу из клуба, улыбаясь своим мыслям, и поправляю короткое шёлковое платье известного бренда — очередной подарок Юсуфа. В сумочке приятной тяжестью лежит конверт с пятью тысячами евро. «На карманные расходы», — как обычно говорит мой покровитель, довольно улыбаясь после очередного минета. Или перед ним, сути не меняет.

«Голд» сияет неоном и роскошью, а в моей голове ярко

сияет имя Юсуф, я почти готова пропеть его — так счастлива, почти до одури пьяна новой жизнью, не могу всласть надышаться всем этим — недоступным прежде миром. Ведь вот уже почти полгода, как отступили кошмары голодного и унижительного прошлого, я больше не боюсь и не испытываю мерзкого чувства, что живу не своей жизнью, что вот открою глаза, а кошмар закончится.

Жизнь до Юсуфа теперь кажется далёкой, я наконец-то отвыкла от кровавых мозолей из-за тесной неудобной стрип-обуви, слишком высоких каблучков, от бесчисленных мужских рук, которые всегда норовят залезть под юбку, грубо намотать волосы на руку или ударить. А деньги теперь не пахнут потом и дешёвым одеколоном. Пусть я и получаю их за то, что исполняю любые прихоти своего спонсора, но это — другое.

Затягиваюсь сигаретой, смотрю на чёрный мерседес, дорогой, с хромированными дисками, личным водителем внутри: «Да, моя жизнь сейчас — это не та дешёвка, что была ещё год назад».

Не надо больше танцевать стриптиз в «Ягоде», где мужики оставляют мизерные чаевые, а лапать тебя начинают, едва выходишь на сцену. Не надо делить комнату в Люберцах с Наташкой, которая вечно грызёт ногти и ворует мои колготки. Не надо воротить нос от клиентов, пропахших водкой, дешёвыми сигаретами и немытым телом.

«Теперь у меня только он, только Юсуф», — тушу окурок

и прицельно кидаю в урну.

Дверь открывается:

— Садись, гёзаль[1], — его низкий повелительный голос с густым азербайджанским акцентом обволакивает, неуловимо подчиняет.

Я проскальзываю на заднее сиденье, кожа кресел холодит бёдра сквозь тонкий шёлк.

— Поехали, — бросает Юсуф водителю, а затем протягивает мне чёрную бархатную коробочку. Сердце сладко замирает: «Неужели предложит?»

— Открывай! — он ждёт, улыбается.

— Ох, джан[2]! — расплываюсь в улыбке, несколько не разочарованная — не кольцо, но тоже дорого: внутри — ключи от новенькой «Ауди».

«Интересно, на кого документы?» — старательно улыбаюсь, скрывая меркантильные мысли: в моём деле дорогие подарки могут сделать ноги, если спонсор решит, что ты ему надоела, а вот если машины и квартиры оформлены на тебя, то...

— Ты говорила, что любишь скорость, — он пристально смотрит, пока я убираю ключ в сумочку, — завтра посмотрим, как ты водишь! Машина перед твоим домом.

Я закусываю губу: «Для девчонки из детдома, дочки алкашки из Уфы — это сказка! Будь благодарной! С документами разберёшься завтра».

Поднимаю голову, встречаюсь с ним глазами, улыбаюсь,

облизываю губы, а он тянется к моей груди и сжимает её.

— Спасибо, любовь моя, мне уже не терпится прокатить тебя с ветерком! — обнимаю его, нежно целую.

Он отвечает жёстко, как всегда: колючая борода царапает кожу, сильные руки уже под моим платьем, играют с сосками, оттягивают, щиплют их, задирают подол платья.

— Обещала мне сегодня кое-что особенное, — шепчет покровитель с сильным акцентом, сдабривая речь парой грязных словечек на своём языке, пока нетерпеливые пальцы скользят между моих ног.

Юсуф никогда не скрывает своих желаний, они — закон в наших отношениях, и я следую правилам: всегда доступна, всегда послушна, всегда готова исполнить всё, чего он хочет, и, видит бог, мне повезло, что он не требует от меня многого, как другие, как те, кто был до.

Его язык становится настойчивее, проводит по моему, а затем он слегка прикусывает нижнюю губу, что-то тихо бормочет. Я знаю этот момент. Когда он начинает говорить по-азербайджански, а его голос становится густым от похоти.

— Яхшы кыз[3]... — он откидывается, расстёгивает ремень. — Покажи, за что я тебя так люблю...

Я послушно опускаюсь на колени, пристально глядя Юсуфу в глаза, всё, как он любит. В конце концов за последнюю модель «Ауди» можно и не такое исполнить, к тому же его водитель уже видел всё...

Цепкие пальцы вплетаются в мои волосы, оттягивают го-

лову, наслаждаются властью надо мной. Я знаю, как он любит — жёстко, до слёз, до кашля. Губы скользят по всей длине его члена, язык выписывает круги там, где он больше всего чувствителен.

— Ах, шириним[4]... — стонет Юсуф, откидывает голову.

Я беру его глубже, старательно сдерживая рвотные позывы. Его руки сжимают мою голову, контролируя движения даже во время подступающего оргазма.

— Вот так... Да, сучка, именно так... — его голос хриплый, он называет меня грязными словами то на русском, то на азербайджанском, который я недавно начала учить, и от этого в паху становится горячо. Я даже возбуждаюсь и начинаю его немного хотеть. Чувствую, как он наполняет мой рот, слышу его стон и знаю, что к концу поездки он снова будет хотеть меня, и, скорее всего, захочет анала, когда приедем ко мне. Вернее, в квартиру, которую он мне снимает.

«Что ж, подарок стоит того, и эту ночь он точно не забудет», — проглатываю солоноватое семя и устраиваюсь рядом с Юсуфом, кладя голову ему на грудь.

Игриво провожу рукой по щетинистой щеке и уже собираюсь спросить про машину, момент самый что ни на есть подходящий, как тишину пререзает громкий хлопок, и стекло ползёт паутиной трещин.

Юсуф вздрагивает.

«Это что, выстрел?!»

А я цепенею и вижу, как в замедленной съёмке, что трещины вокруг круглой дырки на переднем лобовом становятся всё больше.

— Анову сиким[5]! — кричит Юсуф, отталкивая меня.
— Пригнись!

Ещё выстрел, и, как во второсортном боевике, голова водителя дёргается и замирает. Машину бросает в сторону, мы бьёмся о перила моста, а затем машина проламывает ограждение и летит вниз... в чёрную воду Москва-реки.

Холодная тёмная вода смыкает свою пасть, и мы оказываемся под грязной мутной толщей, стремительно идём ко дну.

Я бьюсь в панике, дёргаю ручку, но дверь не открывается, мерзко пищит навигатор: «Вы сошли с маршрута». Рядом матерится Юсуф, тоже дёргает ручку, безуспешно пытается разбить стекло.

А вода всё прибывает, уже по шею, ледяная, обжигает кожу. Теперь Юсуф кричит, срывается на визг. Я не отстаю в своей панике: кричу, матерюсь, но всё это теперь — лишь пузыри в воде.

«Нет! Нет! Нет! Только не сейчас! Не когда всё, наконец, стало хорошо!» — отчаянно бью кулаками в стекло, но оно не поддаётся.

Юсуф рядом мечется, пытается пробраться вперёд, его сильные руки дёргают ручку уже передней двери, но ничего не выходит. Его глаза — обычно такие уверенные, такие властные — теперь широкие, безумные.

«Кристина...» — его губы шевелятся, но звука нет, только пузыри вырываются изо рта.

Я отчаянно хочу оказаться где угодно, только не здесь, снова бью в стекло. Пальцы скользят, вода окрашивается красным и неумолимо поднимается выше. Я бьюсь головой о потолок машины, пытаюсь вдохнуть спасительные остатки воздуха: «Нас спасут, всё не может так закончиться, сейчас приедут спасатели! Надо просто продержаться!

И вдруг в голову врывается давнее воспоминание, когда я тоже всё думала, что кто-то меня спасёт, кто-то придёт и защитит от похотливых рук дяди Серёжи...

Перед глазами мелькает мрачная картинка, которую столько лет старалась забыть: общага, мне восемнадцать, тётя Галя, куратор, держит меня за волосы, окуная лицом в таз с ледяной водой: «Будешь знать, как отказываться, стерва!» Я задыхаюсь, бьюсь, почти так же, как сейчас, но костлявые пальцы держат крепко, не дают убрать голову, давят. Потом, когда я вся мокрая и дрожащая кашляю и вытираю мокрое от слёз и воды лицо, она шепчет: «Теперь будешь спать с дядей Серёжей, как все! Ишь, нашлась тут недотрога. Знаем мы вас после детдома, клейма ставить негде!»

А я плачу и думаю, что это всё неправда, я сейчас проснусь. Но, увы, не просыпаюсь...

Вода накрывает меня с головой. Тот же ужас. Та же беспомощность.

Я судорожно хватаю ртом последний глоток воздуха, но

его нет — только ледяная влага, заполняющая рот, нос, лёгкие. Вижу, что Юсуф уже не двигается, его глаза стекленеют, тёмные волосы и борода колышутся в воде, как водоросли.

«Я не хочу умирать. Я не хочу...» — в глазах становится почти так же темно, как за стёклами мерса, грудь сводит удушьем, пальцы становятся непослушными, непроизвольно разжимаются.

Я неистово прошу бога, в которого никогда не верила: «Если ты есть... Если есть что-то после... пожалуйста... пусть хоть это будет лучше».

И меня подхватывает ледяная тьма. Я больше не чувствую боли, не чувствую тела, лишь покачивания в пустоте, как будто меня куда-то несёт течение. Наверное, так и наступает смерть...

И вдруг чёрную пустоту озаряют вспышки: бах, и мне пять лет. Папа смеётся, качает на коленях, мама печёт пирог, светит солнце...

Бах. Папа больше не приходит. Мама пьёт, в квартире — чужие непонятные мужики, а я прячусь в шкафу...

Бах, и мне тринадцать. Я в детдоме, жду, может, тётя Эля приедет? Но никто не приезжает...

Бах, уже четырнадцать никто не приходит.

Бах, пятнадцать, надежды нет.

Бах, восемнадцать, но идти некуда - оказалось, что в пьяном угаре мать переписала квартиру на тётю Элю, которая так и не пришла ко мне за все эти годы. И всё что остаётся -

общага, но я рада и этому.
 У меня стипендия, я бюджетница, подаю надежды ещё и танцую, выступаю на сцене, университетские гранты надо отрабатывать. Ловлю взгляд толстого возрастного мужика в бордовом галстуке. «Кристина, пойдём», — куратор, Галина Степановна, тащит меня в кабинет, а там — он, в дорогом костюме, с масляным взглядом и странной улыбкой, толстые пальцы в золотых кольцах. «Это наш спонсор, будь умницей», — и она выходит, закрывая дверь на замок.

Я не хочу «быть умницей», но он, грубый и сильный, трогает меня, где хочет, несмотря на то, что прошу этого не делать. Я брыкаюсь, кусаю его, больно, пахнет страхом и дорогим одеколоном. Плачу, но Галина Степановна, уже держит меня за волосы, окунает лицом в таз с водой: «Будешь знать, как отказываться! Потеряешь все..!» Я захлёбываюсь, бьюсь...

Но молчу. За меня некому заступиться, а слабым никто не верит, я усвоила это ещё в детдоме...

Это происходит и во второй раз, и я снова плачу, но молчу.

А на третий раз — сдаюсь.

Потом наступает пустота, во мне срабатывает невидимая кнопка «выключить чувства». Я ей так рада, то, что я научилась отключаться, настоящее облегчение, спасение...

Бах! Мне всё ещё восемнадцать, скоро Новый год, и я больше не плачу, а считаю деньги, которые он иногда остав-

ляет, ем доставку из фастфуда и прошу красивое платье у дяди Серёжи. Он благосклонно улыбается, расстёгивает брюки и ставит меня на колени, поглаживая по длинным волосам...

Бах, всё ещё восемнадцать, я мило улыбаюсь, говорю «спасибо». В груди холодно, ничего не хочется, и только на сцене, когда я танцую, во мне загорается искорка жизни. На сцене я — не я...

Бах! Закрытая вечеринка у него на даче, пьяные мужики, из несколько, темно, больно, холодно. Я не выдерживаю...

Чемодан. Москва. Тут меня никто не знает, он не найдет.

Снова пытаюсь поступить, но не хватает одного балла до бюджета. Работа официанткой, полуголодная жизнь в подсобке, жирный хозяин, его руки на горле и «Молчи, сука», пока он сношает меня, как животное. Слезы с мыслями, что это происходит снова, смирение, звонок в стрип-клуб «Ягода»...

Бах! Первый клиент, липкие руки, тихое: «Ты же понимаешь, за что платят?»

Я понимаю и снова выключаю волшебную кнопку чувств. Впервые получаю пять тысяч рублей и кажусь себе очень богатой...

Бах! Проходит полгода, я узнаю новые трюки в постели, учусь выбирать...

Бах! Клуб «Эдем», я вижу его, Юсуфа: дорогой костюм, борода, тёмные глаза. Я играю в недотрогу, якобы случайно столкнувшись с ним в толпе. Он сразу говорит, чего хочет:

«Ты будешь только моей. Я умею быть благодарным». Я набиваю себе цену, зашиваюсь, пока он красиво ухаживает, и через пару недель сдаюсь.

Он не грубит, не пахнет потом, дарит платья, снимает красивую квартиру в центре, везёт на первый отдых в Дубай.

Я впервые не боюсь и даже что-то к нему чувствую, позволяю себе мечтать: «А вдруг возьмёт второй женой?»

Начинаю учить азербайджанский, соглашаюсь на всё, чего он хочет, покорная, красивая, услужливая — стараюсь стать идеалом...

А теперь... на меня наползает тяжёлая, свинцовая тьма, приятные покачивания в пустоте прекращаются, горло сжимается судорогой, понимаю, что больше не дышу и чувствую тело, саднящее горло, хрип, кровь стучит в висках, дико болит между ног...

Я открываю глаза и слышу свой вскрик, полный животной боли.

Резкий свет бьёт в глаза, чужие голоса доносятся сквозь пелену белого шума в ушах, и я дезориентирована, не понимаю, где я и что происходит.

Раздаётся чей-то крик. «Неужели мой?» — понимаю с изумлением, а потом сбрасываю что-то тёмное, что лежало на мне.

Оглядываюсь. Судя по одежде склонившейся надо мной женщины, это или розыгрыш, или наступила загробная

жизнь в каком-то неизвестном мне мире.

Но ясно одно: я не в воде.

И это не Москва.

[1] Гёзаль – красавица (азербайджанский).

[2] Джан – родной (от азербайджанский).

[3] Яхшы кыз – хорошая девочка (азербайджанский).

[4] Шириним – сладкая (азербайджанский).

[5] Анову сиким – твою мать (азербайджанский).

Глава 2. Чужая боль

Я пытаюсь сесть, но тело не слушается: едва могу пошевелить пальцами на онемевших от холода ногах, а по всему телу гуляет неприятный холод. Складывается впечатление, что я долго пробыла в каком-то холодном помещении. По-прежнему саднит между ног, ощущение похожее, на первый анал, только гораздо большее, как будто... нет, не буду делать поспешных выводов.

Шарю глазами по комнате и окончательно понимаю, что проснулась я не в Москве, возможно, и не в своём времени. «Неужели все рассказы про другие миры, параллельные реальности и всратые эксперты с РенТВ с историями про похищения инопланетянами — правда?» — вглядываюсь в недовольное лицо темноволосой женщины, которая так и стоит, склонившись надо мной и что-то мне говорит, но звук пока не доходит, не пробивается сквозь пелену шума в ушах.

А потом на меня наваливаются воспоминания.

Не мои, её.

— Не дёргайся, сестрёнка... — грубые пальцы впиваются в бёдра, тяжёлое мужское тело придавливает к кровати. Запах пота, перегара и чего-то кислого — он всегда так пахнет, когда приходит.

Я — нет, *она* — пытается вырваться, но безуспешно, пальцы лишь скользят по простыне. Он гораздо сильнее, он все-

гда побеждает в этих молчаливых схватках. А потом грубые руки переворачивают меня на живот и тот же тошнотворный голос шепчет:

— Матушка сказала, всё равно ты уже порченная, хочу попробовать все твои дырки...

Омерзение сменяется горечью, в этот раз всё куда хуже и больнее. И это далеко не первый раз, когда хозяйку тела берут силой.

— Расслабься, тебе же приятно... — он зажимает мне рот и стонет от удовольствия, пока меня разрывает от боли и унижения.

Слёзы текут, впитываются в подушку. Где-то за дверью слышны тихие шаги Беллатрис. И я знаю, что это она ходит там за дверью, упивается моими мучениями, сдавленными стонами боли. О, она прекрасно всё знает, более того, разрешает, одобряет, наслаждается.

Воспоминание исчезает дымкой, а я резко с глухим хрипом вдыхаю и наконец-то могу пошевелиться.

Глаза фокусируются на лице мачехи: «Беллатрис», — вспыхивает в мозгу ненавистью это красивое имя, хозяйка которого пытается привести меня в чувство и трясёт.

«Не смеет ударить, как делает это обычно, — подсказывает подсознание. — Но почему?»

Я силюсь вспомнить, призвать чужие видения прежней жизни, но пока не получается, чужая память подкидывает обрывочные цветистые воспоминания, которых с лих-

вой хватает, чтобы понять, что хозяйке тела жилось ой как несладко. Почти так же, как мне.

Почему-то кажется, что это помещение давит, тусклые стены создают особенно мрачную атмосферу, а ложе подмною кажется очень жёстким, как пол, на который просто положили ковёр. А вот воздух — тёплым, глаз падает на огонь в камине, и что-то подсказывает, что здесь это явление нечастое. Шевелю рукой, прикасаюсь к горящему горлу, и приходит новое воспоминание: перекладина, верёвка, прыжок...

Кем бы ни была хозяйка этого тела, ясно одно — она не выдержала того, что с ней делали. Немудрено, что всё тело будто переломано, такое не проходит даром.

Мир вокруг проясняется, и я наконец-то различаю:

— Кристенна, ты слышишь меня? — голос врывается в уши ледяной струёй, вызывая воспоминания о жгучей ненависти, о бесчисленных тычках, о потоках брани которую этот самый голос неоднократно вываливал на меня: «Кристенна, дрянь ты эдакая! Кристенна, ну и уродина же ты! Кристенна, ты ни капли не похожа на своего отца, как будто тебя нагуляли. Кристенна, у тебя совсем нет вкуса... Кристенна-Кристенна-Кристенна...»

— Д-да, — едва запинаясь, отвечаю черноволосой, поражённая своим именем, ведь Кристенна и Кристина очень похожи.

— Хорошо, что пришла в себя, — она делает шаг назад, шурша складками тёмно-синего платья. — Ведь послезавтра

твоя свадьба, Кристенна.

Я неуклюже поднимаюсь на локтях и опираюсь на подушку, разглядываю убогое убранство комнаты и моложавую мамаху. Довольно красивую, холёную, нисколько не соответствующую нарядом скудной обстановке и ни капли не скрывающую ненависти.

Что-то в моём взгляде не нравится гадюке, и она снова склоняется надо мной, а её пальцы с острыми, как когти, длинными ухоженными ногтями впиваются в мой подбородок:

— Правда, недолго тебе пребывать в добром здравии, ведь граф Кайдэн любит девушек... целых, — и вишнёвые губы сучки растягиваются в злорадной улыбке.

«Промолчу, пригляжусь, — решаю я, — и так чем-то выдавала себя», — стараюсь принять обеспокоенный и униженный вид, чутьё подсказывает, что именно так обычно выглядит хозяйка тела, именно так привычно для стервы, испепеляющей меня взглядом.

— Как думаешь, что он сделает, когда узнает, что ты — грязная, испорченная шлюха? — продолжает ликовать гадина, явно удовлетворённая моими поведенческими метаморфозами.

Я молчу, опускаю глаза.

— Возможно, повесит тебя, как тебе того хочется, — усмехается Беллатрис, — или отправит в бордель, сдохнешь там от сифилиса, или чего похуже. Впрочем, он может сде-

лать с тобой вообще всё, хоть плетью забить. Если ты думала, что, сооротив глазки его сиятельству, обеспечишь себе светлое будущее, то глубоко ошибаешься. Не знала, дура, кто он такой и какая у него репутация, увидела кошель с деньгами и рада стараться. Такой по зубам только моей Алиссии, жаль, что она ещё не совершеннолетняя, — она вздыхает. — Ну ничего, на вашей свадьбе он её увидит, запомнит. А уж потом, — тёмные глаза хищно прищуриваются, — ты не будешь помехой, порченная тварь. И не смей ничего больше вытворить: ни покончить с собой, ни сбежать больше не получится, теперь буду смотреть за тобой в оба глаза, урок я усвоила крепко.

Она глядит на меня, чувствую изучающий взгляд останавливается на шее, холодные руки дотрагиваются до пульсирующих болью вен:

— Теперь ещё на лекарку тратиться! — кажется, что она вот-вот не сдержится и ударит, я даже зажмуриваюсь, хотя внутренне готова дать ей оплеуху в ответ, лишь стойкое чувство, что не время показывать характер останавливает меня.

Ничего... я умею ждать: ведь два месяца назад даже дядя Серёжа получил пулю в лоб, выходя из дома на утреннюю пробежку. Я умею выждать момент и напасть, Беллатрис, ты просто ещё не знаешь.

Слышу, как она усмехается и уходит, громко хлопнув дверью, а затем демонстративно, с громкими щелчками проворачивает ключ в замке. Что же, побуду в заключении, поду-

маю, осмотрюсь.

Чувствую, как восстанавливается кровообращение, и с удовольствием потягиваюсь, прогоняя мурашки, а затем наконец-то нормально сажусь и разглядываю эту мрачную комнату, где даже воздух кажется пропитан страданием.

Господи, какая гнетущая обстановка, у нас в детдоме и то было лучше. Это просто какая-то келья затворницы, почти монашки, а между тем она выходит замуж за графа, то есть не простолюдинка.

«Баронесса, — услужливо подсказывает мне чужая память. — Старшая дочь барона Де Пуат».

И живёт в такой клетушке: маленькая, тесная, с низким потолком, от которого веет сыростью. Одно окно, и то узкое, с толстым мутным стеклом, едва пропускающим свет, а снаружи решётка. Не комната, а темница.

Встаю с кровати, зачем-то ощупываю тонкий матрас, старый и жёсткий, как доска с застиранными до серости простынями, на которых кое-где ещё проглядывает некогда весёлый цветочный узорчик. Рядом с кроватью стоит крошечный туалетный столик без зеркала, но оно явно было, судя по следам на крышке стола, усмехаюсь: «Ну да, я же не должна покончить с собой до свадьбы с графом, вдруг сломаю и осколком порешу себя!»

Ноги ступают по холодным плитам пола, на котором даже нет ковра, с каждым шагом чувствую себя всё увереннее, останавливаюсь и рассматриваю длинные тонкие белые

пальцы с короткими ногтями. Принимаюсь, уловив какой-то цветочный запах, слишком внезапный для этой комнаты, больше похожей на могилу: так и есть, слабый, едва уловимый аромат лаванды, как будто когда-то здесь пытались создать уют. Откуда же пахнет? Оглядываюсь и замечаю несуразный старый шкаф, иду к нему и останавливаюсь, как вкопанная, потому что на меня наваливаются воспоминания... о жизни, которой я не жила.

Семь лет назад начался кошмар, если раньше жизнь хозяйки тела была вполне сносной, то, когда отец начал терять рассудок, мачеха, обычно тихая и улыбочивая, временами даже заботливая, показала своё истинное лицо.

Отец, некогда сильный и добрый человек, стал медленно терять рассудок: сначала просто забывал слова, потом начал видеть то, чего не видели другие. А потом... его крики по ночам стали привычными, как звон колоколов в церкви.

Беллатрис изменила нашу жизнь, отыграв так, будто всегда здесь была главной, незаметно и быстро сняла с отца все полномочия, позволив ему купаться в мире грёз. Её загребушие руки сразу взялись за хозяйство, а холодный безжалостный ум — за переделку нашей семьи.

«Эдвику — новое снаряжение для охоты, Алиссии — вон то красивое платье, а ты... неужели голодна? Так много ешь, как бы не растолстела... Кристенна, толстушек не берут замуж», — и на лице играет фальшивая заботливая улыбка.

«Её улыбка. Боже, эта сладкая, ядовитая улыбка», — я

вздрагиваю от омерзения. А следом вспоминаю ещё более гадкие вещи. Например, как меня попытались сделать сумасшедшей.

Лет пять назад стерва впервые попыталась объявить меня безумной.

— Она разговаривает с тенями, как и её отец! — голос Беллатрис дрожит от фальшивого беспокойства, глаза полны слёз, она изображает убитую горем мать, когда разговаривает с местными кумушками, ходит в церковь, организовывает благотворительные приёмы в замке, чтобы присмотреть хорошую невесту сыну и заодно оклеветать меня.

Священник осматривал меня, лекарь щупал пульс, а я молчала, соглашалась, твердила молитвы, чтобы доказать, что Нечистый не вселился в меня, знала, что любое слово будет использовано против. И у них не вышло: слишком ясно смотрели мои глаза, слишком твёрдо звучал голос, когда я отвечала на вопросы или читала молитвы. Даже в церкви я всегда старалась оказаться на видном месте, чтобы все видели — вот она, Кристенна Де Пуат, молится, крестится, никакая она не сумасшедшая, дьявол в неё не вселился, она набожная хорошая девочка, завидная невеста, старшая дочь барона. Уже тогда Кристенна осознавала, что единственный выход для неё — удачно выйти замуж, получив в приданое своё наследство, иначе мачеха её уничтожит.

Но попытки, замаскированные под заботу и «материнскую любовь», продолжались. Ненавязчиво, мягко, изредка.

Но с завидным постоянством, особенно, ближе к возрасту моего совершеннолетия.

Снова и снова.

А в последние месяцы отца, примерно полгода назад, когда он уже почти не узнавал никого, кроме старшей дочери, начался настоящий ад. Кристенна настояла на том, что будет сама за ним ухаживать, и её переселили в самый низ, почти к прислуге, в эту самую комнатёнку. Но ей было всё равно.

А потом он перестал узнавать и её:

— Кто ты? Ты похожа на мою дочь, — шепчет старый, похожий на развалину мужчина, худой как щепка, беззубый, с провалившимися глазами, его руки дрожат, глаза смотрят куда-то в пространство, мимо сидящей напротив дочери.

А Беллатрис тем временем примеряет его перстень барона на свой палец — именно за этим занятием я застаю её, когда захожу в уютную комнату, некогда покои моей родной матери, чтобы попросить о чём-то. Она быстро снимает перстень и кладёт его себе в корсаж.

А потом умирает отец, хоронят его быстро и без лишних церемоний. Как будто стесняются, хотят поскорее забыть.

На следующий день Эдвик уже сидит в отцовском кресле, как это сделал бы родной сын барона Де Пуат. Только вот загвоздка: он сын Беллатрис от первого брака, его отец умер в военном походе на Бурн, а Беллатрис в браке с моим отцом смогла родить только однажды и не мальчика.

Но Кристенна так сломлена горем, что глотает и это, по-

грузившись в печаль, скорбь по обоим родителям: матери, которая умерла, когда Кристенна была совсем малышкой, и отцу, который умер вчера, но по ощущениям — гораздо раньше. Одиночество и тоска съедали девушку.

А спустя три месяца, как раз перед тем, как Кристенна должна войти в возраст брачного согласия, Эдвик впервые вошёл к ней ночью.

— Теперь я глава семьи, и ты должна слушаться, — его дыхание пахло вином, руки были липкими от пота.

Я, нет, Кристенна, пыталась сопротивляться, но...

— Кричи, — подонок ухмыляется, — зови на помощь, мне так даже больше нравится, а то наши служанки даже пикнуть не смеют, когда я раздвигаю им ноги. Думаешь, кто-то придёт? Или кто-то потом послушает тебя?

— Я расскажу всё Беллатрис, — цепляюсь за тонкую соломинку надежды.

— Матушке? — на лице ублюдка мерзкая улыбка, почти как у Беллатрис. — Да она сама сказала мне приходить! Думаешь, кто-то хочет отдавать твоё приданное? Да и потом, разве тебе не хочется остаться дома, греть мне постель? Я ведь давно в тебя влюблён, сначала думал, что это грех, а потом понял: ведь мы не родные, так что же мешает мне заделать тебе ребёночка и жить вместе? Матушка, конечно, ищет мне невесту, но я хочу только тебя...

После он всегда смеялся, вытирая руки о моё платье. А утром молоденькие служанки смотрели на меня с таким по-

ниманием, знали, что он со мной делал, и боялись, что завтра наступит их очередь.

Я вдыхаю резко, глубоко и возвращаюсь в эту комнату, в здесь и сейчас, в котором это тело — моё. Мои руки дрожат, щёки мокрые от слёз, которые текут сами собой. Я не помню, как начала плакать, так растворилась в воспоминаниях. Да, эту девочку, Кристенну, долго и упорно ломали. Методично изводили, мучали, сделали так, что она, хоть и из аристократии, но вот-вот окажется на самом дне, на виселице, на потеху толпе, или в борделе, и будет обслуживать всякий сброд. Внутри меня стойкое знание, что в этом мире честь девицы ценится ой как высоко, и если в первую брачную ночь окажется, что невеста не девственница, то ей в лучшем случае просто не поздоровится. Оправдания бесчестьем нет, и никакие оправдания не помогут, ведь слово женщины не ценится ни капли, это мир мужчин, жестокости, силы, и никто не будет вникать, изнасиловали тебя или нет. К тому же стервозная мачеха костями ляжет, но защитит свою «корзиночку» Эдвика.

«Этот мир называется Морвенн, — вспоминаю я, — и в нём слабости непозволительны. А законы все на стороне мужчин, даже наследство отца я могу получить, только выйдя замуж и консумировав брак. Конечно же, при этом я должна быть девственницей, иначе меня ждёт настоящий конец. Или ты, или тебя».

Пока получается, что меня, точнее, её. Но я не Кристенна,

которая не смогла, нет, я — Кристина. Я не сломалась тогда, в той жизни, выжила, как могла, и отомстила почти всем обидчикам, стала жить хорошо, нашла себе покровителя. Не утону и сейчас, выплыву.

Тем более что старт у меня неплохой: я хоть и сирота, но не в детдоме, с титулом и кое-что унаследую, если сыграю в игру достойно.

Чувствую, как губы расплываются в усмешке: «На носу свадьба и первая брачная ночь, если ты, сука-Беллатрис думаешь, что через неделю я буду болтаться на эшафоте или обслуживать своим телом кого-то, кроме мужа-графа, то глубоко ошибаешься! Ведь я уже продавала несуществующую девственность». Вспоминаю, как строила недотрогу перед Юсуфом, как зашилась у проверенного гинеколога, как стонала, изображала боль, а следом за ней неземное удовольствие.

Делаю пару шагов, чувствую, как дрожат колени, и хватаюсь за холодную каменную стенку: «Ничего-ничего, я сейчас приду в себя!»

Раздумываю над словами гадюки: «Послезавтра твоя свадьба». Значит, у меня есть два дня, чтобы превратить этот брак в свою победу и найти кого-то, кто решит мой вопрос с несуществующей девственностью.

Чувствую, как дрожь в коленях проходит, медленно иду к шкафу, ноги слегка подрагивают, но держат. Открываю створку шкафа и на внутренней стороне двери нахожу зер-

кало во весь рост, старое, массивное, мутное, как оконное стекло, наглухо приделанное к тяжёлому дубу.

В нём — незнакомая девушка.

Стройная, светловолосая. Я быстро расплетаю подобие косы, и вижу, как волосы ниспадают волнами до самой талии, большие голубые глаза на худом лице, невыразительные, потухшие, красные от слёз. Аккуратный нос, слегка розоватые губы, самый обыкновенный подбородок, в целом симпатичная девочка, только забитая, голодная, поломанная и полная боли.

Я выпрямляю плечи и всматриваюсь теперь уже в свои глаза в зеркале:

— Ты могла бы быть прекрасной, — провожу рукой по холодной глади своего отражения, — и будешь. А ещё будешь богатой и в безопасности. Никто больше тебя не возьмёт силой, никогда!

Что-то неуловимо меняется, я улыбаюсь самой себе. Мысленно прикидываю, что синяки под глазами можно скрыть, след от верёвки на шее, если верить словам Беллатрис, уберёт знахарка. А одежда — на свадьбу меня должны нарядить, это уж точно.

Я касаюсь пальцами лица, ласково провожу по нежной щеке: «Ну что, Кристенна, тебе досталась не лучшая жизнь, но я знаю, как с этим быть!»

Холодная решимость внутри меня зреет, формируется в план, и я призываю воспоминания о женихе, пытаюсь вспом-

нить, как мы познакомились, что во мне его привлекло и что он за птица.

Граф Кайдэн, вспоминаю его: высокий, с тёмными волосами, собранными у затылка, с холодными серыми глазами. Смуглый, мускулистый, опасный. Мы столкнулись с ним на одном из благотворительных приёмов, куда Беллатрис таскала меня, стараясь доказать, что я отъезжаю кукухой.

Она отошла к очередной кумушке с доченькой на выданье и солидным приданным, а Кристенна стоит, натянув улыбку, и продаёт вышивку, чувствуя себя не на месте, желая оказаться, как ни странно, в своей убогой комнатке, забиться в темноту подальше от людей. Благотворительный вечер в особняке герцога Лорвина слишком шумный, многолюдный и яркий для этой скромной деревенской девочки.

Она поспешно выскользнула в сад, едва закончив продажу последней вышивки. Грудь сжимало от стыда: эти снисходительные взгляды, эти шепотки, эти люди — безучастные, любопытные светские сплетники, глазеющие на старшую Де Пуат, по слухам, почти умалишённую сельскую дурочку в старомодном платье.

Не заметив корня, Кристенна споткнулась и, негромко вскрикнув, полетела вперёд.

Твёрдые руки подхватили за талию.

— Осторожнее, баронесса Де Пуат.

Голос был низким, спокойным, а его обладатель знал кто она. Кристенна подняла глаза и замерла: перед ней стоял сам

граф Кайдэн, тот самый, о ком говорили на вечере почти все, недавно овдовевший, богатый, известный своими похождениями красавчик, любимец его величества, недавно вернувшийся из очередного плавания в Дуран. Именно его пальцы обжигают сейчас кожу даже через ткань платья.

— Ой... — и она делает неуклюжий реверанс.

Он не поспешил разжимать объятия.

— Как вы оказались здесь?

— Я распродала все вышивки и вышла подышать, — её лицо горит.

Граф медленно отстраняется, лениво осматривает её с головы до ног таким взглядом, от которого даже меня при воспоминании бросает в дрожь. Настоящий охотник, знает, чего хочет.

— Дочь барона де Пуат? Не знал, что у него выросла такая красивая девочка...

Кристенну бросает в жар, ей слишком редко делают комплименты, в основном она получает одни тычки и затрешины, или же её берёт силой Эдвик, называя то любимой, то потаскухой и блудницей.

— Как удачно я заглянул на этот сельский приём, не предполагал встретить такой бриллиант в этой грязи, — он берёт её за подбородок и беззастенчиво разглядывает.

— Вы меня смущаете, отпустите! — тонкий голосок дрожит.

Его руки, наконец, отпускают, но странное тепло в том

месте, где он касался остаётся. Это так непохоже на грубые прикосновения Эдвика. Неужели мужчина может трогать, не причиняя боли?

— Говорите, распродали все свои работы? Весьма похвально, — Граф Кайдэн произносит это небрежно, поправляя перчатки. — Возможно, я загляну в ваше имение, посмотрю на другие.

Прежде чем Кристенна успела ответить, граф грациозно откланялся и удалился, оставив её с бешено колотящимся сердцем и сотней невысказанных вопросов.

А через два дня он приехал в Золотые Нивы и посватался. Беллатрис, сначала лебезившая перед высоким гостем, сыплющая комплиментами, отвесила мне хлесткую пощечину, после того как Кайдэн уехал. Граф конечно же получил моё согласие, вручил гадюке как главе семьи кошель с золотом «на свадебные издержки», подписал письмо-намерение с датой свадьбы и назвал меня милой невестой, очаровательной девочкой. Кажется, это разозлило стерву ещё больше:

— Ах ты гадина! Он граф, выше нас титулом, я просто не посмела ему перечить! Что ты там удумала? Когда успела с ним спеться? Только возраст согласия пришёл, как ты начала строить свои бесстыжие глаза, да ещё и кому! Графу Де Лоран!

Дьяволица брызжет ядом, изрыгает отборные ругательства, но ударить не смеет: не хочет портить товар. К тому же она знает, знает, что Кристенна — порченная.

С этого дня нападки Эдвика становятся всё более изощрёнными, он словно стремится напоследок хорошенько попользоваться этим покорным телом.

«Итак, мой жених богат, — выделяю я самое главное. — Он выше меня положением, влиятелен, женится на мне не из-за наследства. И говорят, он жесток — на том самом приеме Кристенна слышала шепотки, что его вторая жена умерла слишком быстро после свадьбы. Интересно, что такого он нашёл в Кристенне, что, едва увидев её, решил жениться?»

«Любит девственниц», — усмехается где-то в голове голос Беллатрис.

Ну что ж, если так, он получит то, чего хочет. Нравятся свежие девочки? Я найду способ, сделаю так, что ты, мой милый граф, будешь думать, что я невиннее ребёнка!

«Ну, а теперь посмотрим, что у меня под одеждой, надо знать свои козыри и слабые места», — и я расстёгиваю пуговицы платья, медленно снимаю его, а за ним нижнее платье, бросаю застиранные тряпки к ногам и смотрю в зеркало на молочное нежное тело. Действительно красивое, изящное, с полными грудями, практически без отсутствия волос на коже, тонкая талия и широкие бёдра — всё выглядит идеально, в моём мире из неё вышла бы неплохая манекенщица.

«Что ж, — окидываю себя удовлетворённым взглядом, — у меня есть всё, чтобы завоевать этот мир! Не знаю, какие у них тут стандарты красоты, но от такой фигурки любой мужик сойдёт с ума, уж я позабочусь о том, чтобы показать

себя во всей красе!»

Когда в двери раздаются щелчки, возвещающие о возвращении Беллатрис, я уже одета и сижу на кровати сложив руки, покорная, тихая, играю роль забитой падчерицы. Рядом с мачехой переминается с ноги на ногу невысокая коренастая женщина с добрым усталым лицом.

— Марта, приведи Кристенну в порядок, у бедняжки совсем помутился рассудок от радостных мыслей о грядущей свадьбе, и она вытворила невесть что. Постарайся скрыть её проступок, уж я отблагодарю как следует.

— Будет сделано, — женщина внимательно рассматривает мою шею. Затем раскладывает мешочки на некогда туалетном столике и достаёт из них какие-то травы.

— А можно мне поесть? — самым жалобным голосом спрашиваю я.

Беллатрис морщится, но кивает — надо изображать заботливую мать:

— Конечно, милая, я распоряжусь, чтобы тебе подали ужин сюда, думаю, тебе вредно напрягаться и ходить по замку, — ослепительно улыбается она своей мерзкой улыбкой и уходит, прикрыв дверь.

Выжидаю несколько минут, чтобы она уж точно ушла, а потом перехожу к осуществлению своего плана:

— Марта, ты ведь знаешь, что со мной произошло?

— Да, ваша светлость, — не поднимая головы, бормочет она.

— И знаешь почему, не так ли?

Она молчит. Но она знает, я уверена.

— Твоей дочери сколько, пятнадцать?

Она вздрагивает, кивает.

— Значит, скоро её отправят в замок служить. Она у тебя хорошенькая, — я встаю и подхожу к ней ближе. — Уверена, Эдвик сделает с ней то же, что и со мной. Знаешь, он ведь даже со мной не церемонится, а уж с прислугой... Думаю, позабавится от души, тем более, что меня уже тут не будет. А он, знаешь ли, очень жесток.

Руки знахарки дрожат, я сделала удачную ставку и попала в самое сердце любящей матери.

Я мягко, по-кошачьи подхожу к ней и приказываю:

— Посмотри на меня!

Она подчиняется и смотрит тревожным взглядом.

— Я получу наследство, едва вступлю в брак, и смогу забрать кого захочу к себе на службу. *И если я захочу*, — голос звучит с нажимом, — то ты и твоя дочь больше никогда не увидите мерзкого Эдвика, гнусную Алиссию и их гадюку-мать.

Женщина застывает, глядя на меня, как загипнотизированная. Понимание и надежда проскальзывают в её глазах.

Я слегка прищуриваюсь:

— Для того, чтобы я смогла сделать то, о чём говорю, мне нужна самая малость: восстановить девственность, которой меня против воли лишил Эдвик, иначе я не только не смогу

вас забрать, а все остальные члены моей дражайшей семей-
ки приберут к рукам всё, что осталось после отца, но и вы
никогда не вырветесь из-под их гнёта.

Марта задумчиво смотрит на меня, так, словно я незна-
комка, которую она видит впервые.

— А вы изменились, госпожа Кристенна.

— А я была по ту сторону, — смотрю ей в глаза, — там
лишь темнота и холод, поэтому теперь я собираюсь взять
жизнь в свои руки.

Она вздрагивает, вся как-то подбирается.

— Ты можешь подумать, — я поджигаю губы, — только
недолго, иначе я найду кого-нибудь другого. У меня очень
мало времени до свадьбы.

— Я уже подумала, — тихо отвечает она.

Мои дорогие!
 Подписывайтесь на мою страничку,
чтобы не пропустить новинки и розыгрыши промокодов!

Вот ссылочка!

<https://litnet.com/shrt/xhNY>

В правом верхнем углу нажмите "Отслеживать автора" ес-
ли вы с компьютера

или "Подписаться", если с с телефона

и мы точно не потеряемся!

Глава 3. Лиса начинает игру

Тени от камина причудливо пляшут по стенам, а я смотрю на Марту и думаю, что от того, как я разыграла карту, достаточно ли хорошо попала в болевую точку этой женщины, зависит будущее Кристенны. Нет, не Кристенны, моё. Нужно уже привыкнуть, что это моё тело, теперь так. И это гораздо лучше, чем кормить рыб не дне реки.

— Я помогу вам, — она смотрит мне в глаза. — Не только из-за дочери, а из-за вашего батюшки и вас самой. Вы всегда были добры к нам, когда муж умер, забрали нас жить в дом, вы ещё девчушкой так нянчились с Лизой. Нет уж, я такого не забуду. Да и посмотреть тошно, как эта змея Беллатрис на пару с Эдвигом вас в петлю загоняют.

Я чувствую, как дрожат губы. Не ожидала таких слов от внешне сдержанной, тихой знахарки, ведь я была так резка с ней в разговоре, надавила, говорила, как стерва. Молча беру её за тёплую натруженную руку и сжимаю. Все слова благодарности застревают где-то в горле.

Марта накрывает мою руку своей и шепчет:

— Вы не одна, у вас есть друзья в доме. Просто мы все очень боимся госпожу Беллатрис и того, что может сделать с нами её сын.

А на меня наваливаются воспоминания Кристенны, как молодая Марта почти пятнадцать лет назад оказалась в на-

шем замке.

— Её муж умер, одной с ребёнком ей не справиться зимой, — говорит отец, тогда ещё здоровый, полный сил мужчина с добрым лицом, и указывает на худую измождённую девушку с младенцем на руках. — Дайте ей какую-нибудь посильную работу, например в зимнем саду, пусть ухаживает за цветами. Займись этим, пожалуйста, Беллатрис.

— Не думай, что будешь жить тут на особых правах, спрашивать будем как со всех, — хмурится Беллатрис, едва за отцом закрывается дверь.

Марта тогда совсем не походила на нынешнюю знахарку: синяки под глазами, дрожащие руки — она явно недоедала и много работала, а её дочь Лиза плакала так тихо, словно мяукал котёнок. Кристенна наблюдала из-за колонн при теплицах зимнего сада, как Марта работала, то прижимая ребёнка к груди, то укачивая. А однажды, когда малышка хныкала особенно сильно, Кристенна не выдержала:

— Дай я подержу! — Кристенна уже рядом, протягивает руки.

Марта отшатывается в страхе перед хозяйской дочерью, но девочка уже забрала младенца, прижав к себе, как куклу.

— Я помогу. Она такая хорошенькая, страсть, как люблю малышей!

С тех пор маленькая баронесса стала прибегать каждое утро, носить Марте краюхи хлеба из столовой, качать Лизу в садовом гамаке, напевая знакомые с самого детства весёлые

песенки.

— Вы похожи на ангела, госпожа Кристенна, — как-то обмолвилась Марта, наблюдая, как Кристенна целует розовые пальчики младенца.

— Она такая славная, почти как Алиссия. Только с Алиссией мне не дают играть, — улыбается девочка.

А однажды, когда Лиза заболела и проплакала всю ночь из-за высокой температуры, Кристенна подошла к отцу и рассказала о том, что малышка заболела. Тотчас же отец отправил за лекарем, невзирая на поджатые губы и слова Беллатрис о том, что это дорого.

— Спасибо, — чувствую тепло её рук и искренность.

— Завтра вечером я принесу вам кровавые шарики, — она убирает руки и поворачивается к своим травам, начинает что-то толочь в ступке.

— Кровавые шарики?

— Да, это... это опасный, запрещённый приём, потому что достать их можно только в колдовском квартале в Грае, но у меня есть там должница, она всё сделает.

«Колдовской квартал... В этом мире что, есть магия?» — я тереблю складки поношенного платья.

— Сейчас расскажу, как ими пользоваться, — Марта уже приготовила какую-то похожую на пасту мазь и склоняется надо мной, начинает смазывать шею. — Перед тем как вы возляжете с мужем, смочите их слюной и введите поглубже, когда он войдёт в вас, то от тепла и давления шарики лопнут

и всё будет как в первый раз.

— А если он догадается? — чувствую, как саднящее ощущение на шее проходит.

Марта хмыкает:

— Если догадается, значит, у него есть колдовской дар, по-другому их не почуять. Не бойтесь, всё пройдёт гладко. Я уже брала такие шарики дважды, и оба раза никто ничего не понял.

Марта пристально смотрит на меня.

— Главное — вести себя как положено, смущаться, плакать, делать вид, что больно, они это любят.

Я медленно киваю: «Ну и нравы в этом мире, никто явно и не думает о том, что женщина может испытывать удовольствие от секса. Даже Юсуф со всеми его деньгами старался меня удовлетворить. Хотя получалось у него это слабовато. В принципе, он единственный, кто хоть пытался, ведь я... никогда ни с кем не встречалась, и ни разу в жизни у меня не было интима по моему желанию. М-да, недалеко я ушла от этого мира».

Молчу, обдумываю информацию, пока Марта продолжает смазывать мою шею.

Дверь с щелчком открывается, и на пороге стоят Беллатрис и молоденькая служанка.

— Готово? — она смотрит на Марту.

— Да, госпожа, — Марта склоняет голову, — только закончила. Завтра вечером нужно повторить.

— На свадьбе будут видны следы?

— Если завтра ещё раз промазать всё свежей мазью, то не должно ничего остаться.

— Хорошо, — хмурится мачеха. — Завтра вечером приходи, а теперь ступай.

— Да, госпожа, — Марта быстро складывает мешочки с травами и бутылки в свою сумку и уходит.

— Кристенна, милая, — голос змеи сочится ядом, — поешь хорошенько. Негоже невесте голодать. К тому же неизвестно, сколько тебе осталось, насладись напоследок.

Служанка ставит на туалетный столик чашку с чем-то дымящимся, кувшин, какую-то выпечку.

— Завтра утром у тебя примерка, — улыбается Беллатрис, — уже предвкушаю торжество! — и шурша складками платья она, сопровождаемая служанкой, уходит.

В керамической миске оказывается горячая похлёбка, от которой исходит божественный аромат, и я чувствую голодный спазм в желудке. «Да я голодна как волк!»

За пару минут от похлёбки, похожей на овощное рагу с мясом, ничего не остаётся, и я удовлетворённо растягиваюсь на жёсткой кровати.

Что ж, вот я и осваиваюсь на новом месте, вкусила местной еды, познакомилась с «любимой мамой», осталось только вспомнить, как тут всё устроено, чтобы на собственной свадьбе ничем не выдать себя.

Когда служанка возвращается, чтобы забрать еду и под-

кинуть дров в камин, я прошу её принести мне новейшую историю Морвенна.

— Хочу подготовиться к свадьбе, освежить память, ведь мой жених из такой знатной семьи, — лепечу я, стараясь выглядеть встревоженной невестой.

— Тогда вам нужен ещё справочник знатных фамилий, — она собирает грязную посуду со стола.

— И его тоже, да, — улыбаюсь самой очаровательной улыбкой.

Остаток вечера уходит на изучение двух толстенных книг. Интересует меня граф Кайдэн Де Лоран и моя собственная семья. Ожидаемо: все предки графа богаты, знатны, жестоки. Про одного из них, судя по всему, деда Кайдэна, так и написано: «Взяв край Эрхард, он проявил небывалую жестокость и отрубил головы всем защитникам города, коих была одна тысяча двести человек».

Меня бросает в дрожь: отрубить головы защитникам города, и это было каких-то сорок лет назад. Что же сделают с «грязной» невестой?

Ответ я нахожу в книге по истории, тут всё просто: после заключения матримониального союза, если при консумации брака выясняется, что невеста бракованная, то она становится практически крепостной, её даже можно продать. А можно убить любым доступным способом: четвертовать, повесить, сжечь, утопить...

«Я уже утонула один раз», — невесело усмехаюсь я про

себя, перелистывая страницы.

Когда в комнате становится слишком темно и глаза уже слезятся от напряжения, я беру единственный огарок свечи и иду к зеркалу в шкафу, снова рассматриваю себя и не могу поверить своим глазам: красно-фиолетовые гематомы от верёвки стали гораздо светлее, такими темпами к свадьбе действительно всё пройдёт.

«К свадьбе, ну надо же, — я всматриваюсь в своё лицо, красивое, с выражением, неуловимо похожим на моё настоящее, на маску сладкой красивой глупышки, которую носила, будучи Кристиной. «Никогда не думала, что выйду замуж, максимум — вторая жена по исламским обычаям, как могло бы быть с Юсуфом. Хотя, надо признать, не была уверена, что предложит. Точнее, была уверена на девяносто процентов, что не предложит».

«Ну ладно, — решаю я, — эта маска подойдёт и для этого мира, по крайней мере пока. От глупеньких красавиц никто ничего не ждёт».

Я снова смотрю в зеркало, примеряю разные улыбки, хлопаю ресницами, нахожу рабочую сторону лица, изучаю себя, пока огарок свечи медленно тает на стареньком чугунном подсвечнике.

Дотрагиваюсь напоследок до своего отражения в зеркале: — Ты не будешь больше жертвой.

И я верю, верю себе и своим словам.

Послезавтра — свадьба и ночь с графом. А значит, мне

нужно продержаться в этом доме сутки, чтобы не выдать себя. Сутки, чтобы превратиться из затравленной мыши в лису. И я уже начала это превращение.

Задуваю огонёк и ложусь спать, уверенная в том, что выстою: «Другого выхода нет, на кону моя жизнь и благополучие, и я буду не я, если не добьюсь успеха!»

Матрас, конечно, жестковат, но телу это привычно, а я, перед тем как уснуть, неожиданно для себя благодарю бога за то, что выжила. Пусть и оказалась в чужом теле, пусть хозяйке тела жилось несладко, но она молода, здорова и у неё есть будущее. Уж я постараюсь: не окажусь ни на виселице, ни в могиле. А ещё, несмотря на то, что я оказалась в чужом для себя мире, он, на удивление, кажется знакомым, даже... каким-то родным.

Во сне ко мне снова приходят воспоминания Кристенны: то о детстве, как она бегала на покос смотреть, как работают крестьяне, то об учёбе, которую она любила, то об отце, который в детстве качал её на коленях. В общем, вспомнилось многое, как будто во сне память обновилась.

На утро я чувствую себя на удивление бодрой и полной сил, даже улыбаюсь, глядя сквозь мутное стекло на солнечные лучи за окном: «Скоро это заточение закончится, скоро эта убогая комнатуха канет в Лету!»

Пока все спят, я позавтракала и изучаю новейшую историю Морвенна. Услышав щелчки ключа, прячу книги и принимаю почтительный, почти раболепный вид.

Злобная сука Беллатрис довольно скалится:

— Пойдём, у тебя примерка.

И, не оглядываясь, уверенная, что я иду за ней, она величественно, покачивая бёдрами, идёт по каменным плитам замка. Через пару минут плитка сменяется ковром, потолки становятся выше, люстры богаче, и я понимаю, что мы входим в хозяйскую часть замка. Небедного, судя по всему: мои ноги в обуви на тонкой подошве буквально утонули в пушистых коврах с причудливыми узорами, а со стен на меня взирают портреты предков в золочёных рамах — гордые мужчины в доспехах, женщины в красивых платьях, все как одна с натянутыми улыбками и холодными глазами. Между ними то тут, то там висят охотничьи трофеи: головы оленей со стеклянными глазами, шкуры волков, растянутые на дубовых щитах. В голове тут же всплывает воспоминание, как Эдвик привозит с охоты окровавленные туши целой оленьей семьи, даже оленёнка — в охотничьем пылу и приступе жестокости «братец» никого не щадил.

Пару раз в нишах мелькают красивые расшитые гобелены, и я знаю, что это мои работы. Даже вспоминаю, как вышивала, сидя около болеющего отца.

«Интересно, видел ли граф эти мои работы? Смотрел ли он хоть что-то, когда приехал свататься, или это был всего лишь предлог, и он лишь скользнул взглядом по ним?» — что-то подсказывает, что будущий муж не из тех, кто увлекается вышиванием, пусть даже и искусным.

Возле лестницы бронзовый дракон держит в пасти лампаду, из которой струится сизый дымок ароматических масел.

— Не задерживайся, — бросает Беллатрис, почуяв, что я замедлилась и рассматриваю диковинку, — у швеи ещё много работы.

Я послушно ускоряю шаг, но запинаясь об уголок ковра и вижу трещину в плитке под коврами, а подняв голову, замечаю пятно от вина на гобелене. Вспоминаю, как Эдвик швырнул кубок, когда Беллатрис отказала ему в чём-то, и как та же самая Беллатрис распорядилась застелить полы замка коврами из приданного моей матери перед самым приездом графа.

«М-да, замок богат, но гниёт изнутри, как и всё в этом семействе!»

В семействе, оккупировавшем родовой замок Де Пуат. Только в Алиссии, совместном ребёнке, была кровь моего отца, но она так смешалась с ядом Беллатрис, что едва ли сестра походила на кроткого и доброго барона. Следуя за мачехой, припоминаю истерики Алиссии по поводу каждой мелочи: то платье не подходит, то слишком холодно, то слишком жарко, то еда не нравится.

«С воспитанием отпрысков у Беллатрис явные проблемы. Хотя, разве ей до воспитания? Ведь все мысли заняты тем, как бы прибрать к рукам наследство усопшего барона. Ох, аукнется ей всё сделанное!» — злорадно думаю я, а ещё понимаю, что немудрено, почему Кристенна всегда была одна:

она просто всегда чувствовала себя чужой среди этих мелочных и злых людей. Одинокая, забитая, сломленная. Чистая и чужая.

А вот я — как будто своя, я привыкла бороться: сначала искать кусок хлеба в доме матери-алкоголички да выпрашивать деньги у прохожих, а потом отстаивать своё в детдоме то хитростью, то кулаками. И хитрость, надо сказать всегда удавалась лучше, потому что я, как никто, умею выждать.

— Баронесса, — мы входим в комнату, и высокая смуглая женщина приседает в реверансе.

— Здравствуйте, мадам Бар, — бросает мимолётную улыбку Беллатрис. — Вот и наша невеста.

— Госпожа, — швея склоняет голову. — Всё готово, проходите.

— Я бы хотела посмотреть пока, как сидит платье на Алиссии, — улыбается Беллатрис.

— Да-да, пройдёмте, она уже оделась. А моя наперсница поможет пока одеться невесте. Стелла! — швея зовёт кого-то, и из-за портьеры появляется пухленькая девушка.

— Помоги госпоже Де Пуат примерить платье, пока мы отлучимся на вторую примерку.

Девушка кивает, улыбается мне и проводит за ширму.

«Интересно, Кристенна сама выбирала?» — разглядываю белоснежное с серебряным шитьём платье с длиннющим шлейфом.

Оно сидит на мне как влитое, а корсет хоть и давит со-

всем немного, но делает и без того осиную талию ещё уже. Разглядываю себя в зеркало, и мне неожиданно нравится, то что вижу.

«Да я и впрямь похожа на будущую графиню. Графиня Де Лоран! — смакую я. — Вот уж никогда бы не подумала».

Белый атлас с серебряной вышивкой переходит в пышную юбку, и я кажусь себе неземным созданием, нежным и загадочным.

— Вот диадема, — благоговейно произносит Стелла и надевает мне на голову тоненькую изящную полоску.

Образ получился отличный. Только бы прибавить красок лицу, немного румян, губы чуть ярче — заточение в полуподвальной комнатухе красоты не добавляет.

— Меня можно будет накрасить? — я произношу это небрежно, как само собой разумеющееся.

— О, если вы хотите, конечно, — кивает девушка. — Просто ваша мать не распоряжалась насчёт вас, а только насчёт себя и госпожи Алиссии.

— Ну, значит, я распоряжаюсь насчёт себя, — улыбаюсь я ей. — Когда будете надевать мне платье перед свадьбой тогда же и накрайте меня, как полагается невесте. Только прошу, никому не говорите об этом, хочу устроить сюрприз семье! Как-никак старшая дочь выходит замуж!

— Конечно-конечно, — понимающе щебечет девушка. — Будет наш секретик!

В комнату заглядывает служанка и сообщает Стелле что

её срочно зовут на примерку к госпоже Алиссии. Стелла шевелит губами, беззвучно чертыхаясь, обещает скоро вернуться и скрывается за дверью, предоставив мне возможность полюбоваться на тонкую фигурку в пышном белом платье.

Я смотрю на себя в зеркало, поправляю волосы, прикидывая, какая причёска будет выигрышнее смотреться и раздумываю: «Как интересно получается, свадьба моя, невеста я, а всё решает Беллатрис. Уверена и оплачивает всё граф, он ведь дал кошель с деньгами, а меня даже накрасить не собирались, понятно, что Алиссию расфуфырят от души. Конечно, сучка же хочет выдать потом свой цветочек за графа. Чёрта с два, дорогуша! Я ещё устрою вам всем такую жару, что ад покажется холодным!»

— Ну и ну! — раздаётся голос, от которого кровь застывает в жилах, а тело парализует от ужаса и воспоминаний — воспоминаний о липких руках, шёпоте «тебе же нравится» и винном перегаре.

Эдвик проходит в комнату, поглаживая фамильный медальон. «Тот самый, что некогда носил отец», — услужливо приходит воспоминание. Сальный взгляд «братца» скользит по декольте с неприкрытым голодом, заставляет даже меня чувствовать себя неуютно. Настоящая Кристенна должна бы уже забиться в самый угол от ужаса перед этим дрыщом.

— Выйди, — бросаю я, стиснув зубы так, что отдаёт в челюсть.

Но он продолжает приближаться нарочито медленно, прищёлкнув языком в знак протеста.

— Неблагодарная, я ведь пришёл помочь, — пальцы впи-
ваются в руки, притягивая меня к этому источнику неприят-
ного запаха вина и чего-то прогорклого. — Или ты хочешь,
чтобы твой драгоценный граф узнал раньше времени, как ты
скулила подо мной?

Я дёргаюсь от неприятного воспоминания и сомнитель-
ной перспективы. Ведь если он что-то скажет раньше време-
ни, то меня... То свадьбу могут отменить. Эдвик продолжа-
ет держать за запястья, прижимает к зеркалу, не даёт отсту-
пить. Чёртов шлейф сковывает движения, не даёт даже ша-
гу нормально ступить, и я почти прикована к месту, не могу
отступить в сторону. Холодное стекло всё плотнее и плотнее
соприкасается со мной, чувствуется через тонкую ткань.

— Представь, что будет, когда расскажу ему, как трахал
тебя даже в задницу, объезжал сладкую потаскушку, словно
лошадь, — улыбается подонок. Его губы касаются раковины
уха, вызывают дрожь отвращения. Невольно вспоминается
дядя Серёжа.

Я зажмуриваюсь: «Не паникуй, выиграй время!»

— Что ты хочешь? — шепчу я стараясь выглядеть перепуганной насмерть. Это нетрудно, тело ещё помнит, что с ним
делал этот мудака.

— Ты знаешь, милая, — шепчет он сладострастно, — я
хочу тебя. Приду к тебе сегодня ночью, будь поласковой на-

последок, не то граф узнает всё раньше времени и не удастся тебе покрасоваться в свадебном платье.

— Хорошо, — мой голос срывается, — хорошо... будет, как ты хочешь.

Эдвик замирает, потом смеётся, отпуская:

— О, моя скромница научилась быть послушной девочкой. Неужто бог дал тебе мозгов и ты уяснила, что я — твой единственный шанс в жизни. Или ты всё-таки поняла, что граф не сделает тебя даже содержанкой после того, как убедится, что ты бракованная? Неужели, наконец, дошло, что я — лучший.

Я молча стою, потупив глаза. Он усмехается, прижимается ко мне слюнявыми губами и шепчет:

— До вечера...

Хлопок двери, и я остаюсь одна.

— Ошибаешься, debil! — я вытираю щёку тыльной стороной руки и привожу себя в порядок, глядя в зеркало. — Ты уже почти труп, кусок дерма! — я чувствую такую ненависть, что меня вот-вот просто взорвёт.

И всё же надо успокоиться и продумать план этого вечера.

Ясно одно — этот ублюдок меня не получит.

Когда в комнату входят мадам Бар, Беллатрис, Стелла с поджатыми губами и черноволосая Алиссия, судя по красным пятнам на щеках, недавно закатившая истерику, то я веду себя так, словно ничего не было и я просто стояла у зеркала и ждала их.

— Недурно, — улыбается Беллатрис ласково, мастерски изображает растроганную мать. — Тебе удобно, милая?

— Нет, — я поворачиваюсь к швее. — Мне неудобно и не нравится этот шлейф, уберите его.

— Но... Сейчас так модно, — растерянно произносит швея.

— Но мне неудобно, хочу платье без шлейфа, да и незачем кому-то носить его за мной, — улыбаюсь я, стараясь казаться этакой сельской скромницей.

Беллатрис прищурившись смотрит на меня, но не перечит при чужих, пока я старательно изображаю наивную простушку.

— Боюсь где-нибудь зацепиться и не дай бог порвать.

— Хорошо, — сдаётся мадам Бар. — К утру всё будет готово.

Она обходит вокруг меня пару раз, поправляет крючки, делает какие-то пометки на ткани шлейфа и говорит, что можно раздеваться.

— Что это ты задумала? — впиваются мне в локоть когти Беллатрис, едва мы выходим из примерочной. — Н-ничего, — я запинаюсь, разыгрываю недоумевающую дурочку.

— Если ты решила, что сбежишь со свадьбы, то такого не будет, моя милая, — скалится сука. — С утра приедет стража графа Де Лоран, и я уж им скажу, чтобы глаз с тебя не спускали!

«Скажи-скажи! — злорадно думаю я. — После того, что я

сделаю с твоим ублюдочным сыном, мне ой как пригодится охрана».

Остаток дня я провожу в своей каморке, изучая историю и знатные фамилии. Нахожу один любопытный факт: оказывается, происхождение моей матери весьма сомнительно, она внебрачная дочь скончавшегося ныне герцога и... неизвестно кого. Но герцог признал дочь и поэтому смог выдать её замуж за аристократа, пусть и не самого именитого, но для бастарда — вполне себе.

«Интересная история, почти как в каком-нибудь романе», — я заканчиваю чтение загадочной истории, поместившейся в шесть скудных строчек, и пытаюсь вспомнить, какой была мать Кристенны, но в памяти ничего не всплывает: она умерла, когда та была совсем ещё малышкой, практически в родах, и девочку воспитывали няньки да служанки, а потом очень быстро появилась Беллатрис, она есть даже в самых ранних воспоминаниях, значит, отец долго не ходил вдовцом.

Интересно.

Плавнo наступает вечер, а значит, скоро придёт Марта с кровавыми шариками, а вслед за ней «любимый братец». Я уже обдумала план.

Служанка приносит ужин, и, как и в прошлый раз, едва я доедаю, приходят Беллатрис и Марта.

— Присядьте, госпожа Кристенна, — тихо проговаривает Марта, — мне нужно будет смазать вам шею, сейчас я быстро

сделаю мазь.

Она выкладывает мешочки с травами из сумки и оборачивается к Беллатрис:

— Мне нужен ещё свет, чтобы не напутать с дозировкой.

— Я позову служанку, — Беллатрис подходит к двери и кого-то зовёт.

Пока она отвлекается, Марта быстро делает шаг в мою сторону и суёт в руку маленький тёплый мешочек.

— Удачи, — едва слышно шепчет она.

— Спасибо! — шепчу так же беззвучно и прячу мешочек под матрас.

Служанка приносит несколько свечей, становится гораздо светлее. Марта удовлетворённо кивает и делает своё дело. Затем подходит, грубыми пальцами аккуратно наносит густую жирную мазь. Пахнет травами и чем-то горьким.

— Держи голову ровно, — холодно бросает Беллатрис, скрещивая руки.

— Готово, завтра не будет видно, даю гарантию, — подострастно бормочет Марта, пока её глаза желают мне удачи.

Беллатрис наблюдает за мной, как ястреб за добычей, будто ищет, к чему бы придраться, но не находит.

— Пойдём, Марта, нужно ещё сделать ту мазь для кожи, что так нравится Алиссии, — бросает она. — Моя девочка должна завтра сиять!

«Так и есть, — ещё больше уверяюсь я, — по замыслу Беллатрис, её дочь должна затмить завтра простушку Кри-

стенну. Ну-ну! Посмотрим, как ты завтра сядешь в лужу!»

Марта кивает, складывает травы в сумку, покорно следует за хозяйкой.

— Хорошенько выспись, Кристенна! Завтра ты должна выглядеть прилично! — ведьма усмехается и нарочито громко проворачивает ключ в двери.

«О, ты не знаешь, насколько прилично я буду выглядеть завтра и что задумала исполнить на собственной свадьбе!» — улыбаюсь мыслям.

Выждав несколько минут, приподнимаю матрас и проверяю содержимое кожаного мешочка: три шарика кровавого цвета, чуть тёплые, слабо мерцающие в полумраке неуютной комнаты, внешне похожи на зёрна граната лежат у меня на ладони. Поместить такие внутрь себя не составит труда. Усмехаюсь, вспоминая, каких только секс-игрушек не перепробовала с разными клиентами, эти гранатовые зёрнышки даже не почувствую.

Что ж, завтра я солгу. Завтра я выживу и восстану из пепла, как делала это не единожды.

А потом... Потом воздам всем по заслугам, главное — хорошенько ублажить мужа и упрочить своё положение при нём. Придирчиво разглядываю одежду, раздумывая, куда можно спрятать мешочек. Лучший выход — привязать к внутренней стороне бедра, за длинными юбками платья никто не заметит. Принохиваюсь к собственному запаху и понимаю, что неплохо бы принять горячий душ или ванну.

«Ванны есть, — приходит воспоминание, — но мне давно не дозволяется в них мыться». С утра нужно будет решить и этот вопрос, завтра я должна быть во всеоружии, сиять перед мужем, от которого будет зависеть всё в моей жизни. По крайней мере, в ближайшее время.

Надёжно прячу кожаный мешочек со своим спасением за расштанную доску в шкафу, которую нашла ещё днём, подыскивая место для хранения драгоценной вещицы, и поджидаю Эдвика.

Этот мутила не заставил себя ждать: едва темнота за окном становится совсем непроглядной, я слышу его слегка шаркающие шаги. Судя по нетвёрдой походке, он уже успел основательно надраться. А мне это на руку.

Я встаю и беру единственный походящий предмет — чугунный подсвечник, он приятной тяжестью лежит в руке. Немного волнуюсь, но глубоко дышу и стараюсь убедить себя, что всё получится. И всё же ожидание скручивает живот в тугой узел.

И вот он попадает ключом в замок, далеко не с первого раза. Ещё раз убеждаюсь в том, что подонок пьян. Скрипят старые петли, тяжёлая дверь медленно открывается.

Эдвик делает пару шагов в темноте, его тяжёлое винное дыхание учащается от предвкушения, занятый похотливыми мыслями о том, как поимеет почти графиню. Он не видит меня, притаившуюся у стены.

Я делаю бесшумный шаг, быстро поднимаю подсвечник и

обеими руками со всей силы бью брата по затылку.

Глухой удар звучит музыкой для моих ушей, хоть Эдвик и не падает сразу, а, неестественно пошатываясь, пытается обернуться. И у него почти получается.

— Ах ты... с-су...

Второй удар гораздо тяжелее и столь же приятный. Для меня, не для него. И насильник падает на пол, как мешок с зерном.

Я закрываю дверь на ключ, что он принёс с собой, и стою над ним, улыбаясь и дрожа от адреналина. Неторопливо зажигаю свечу и вглядываюсь в одутловатое лицо, прислушиваюсь к дыханию: не убила, но голова у него будет знатно болеть. Другие места тоже, я позабочусь об этом. Работа только начинается.

С наслаждением пинаю его в пах, долго ещё не сможет воспользоваться своим прибором. Расстёгиваю ширинку, вытаскивая рубашку из штанов, всё должно выглядеть так, словно он вышел от меня, а затем повернул не туда.

Для верности ещё пару раз несильно ударяю его по голове.

Теперь нужно убрать отключившегося Эдвика куда подальше, и, если мне не изменяет память, это место недалеко. Открываю дверь и выхожу в коридор, прохожу несколько метров и вижу лестницу в подвал. Там, очень кстати, хранятся вина и крутая лестница. Нужно лишь затащить убудка и отправить в короткий, но болезненный и травматичный полёт.

Я хватаю его подмышки и начинаю самое трудное: тяну к лестнице в подвал. С виду Эдвик не крупный, но очень тяжёлый, я то и дело останавливаюсь и вытираю пот со лба. Этот коридор, кажется, никогда не закончится, а ещё кажется, что я издаю много шума. Но ни одна дверь не открывается и ни одна служанка, кухарка, горничная — никто из служащих в замке не рискует выйти в ночной коридор, где, скорее всего, развлекается пьяный Эдвик.

Кажется, что я тащу его уже несколько часов и совсем обессилела, но вот вижу спасительную лестницу и делаю последний рывок — подтаскиваю воняющую перегаром и чесноком тушу и со стоном облегчения отпускаю этот неприятный груз. Тот катится вниз с глухими ударами, пока шум не замирает в темноте.

Я спускаюсь, наклоняюсь, нащупываю его тело и приставляю два пальца к шее — пульс есть, шея не переломана, а что там с другими возможными травмами — мне глубоко наплевать, чем больше, тем лучше.

— Спи, ублюдок, — шепчу я, вытирая пот со лба, — завтра у меня важный день, испортить который ты не сможешь.

Возвращаюсь в свою комнату, закрываю дверь на ключ и прячу его всё за ту же деревяшку в шкафу. Раздеваюсь и с удовлетворением растягиваюсь на своей спартанской кровати.

«Тебе бы это понравилось, Кристенна», — думаю я, прежде чем провалиться в глубокий спокойный сон.

Дракон желает нелюбимую жену!

Мои дорогие!

Что делать, если муж тебя не любит?

А если этот муж дракон, и его любовница...

твоя подруга?

Страдать не будем, а будем читать мою новую историю!

Дракон желает нелюбимую жену! -

<https://litnet.com/shrt/c6I->

Аннотация

Очнуться в теле презираемой жены драконьего лорда – дар или проклятье? Первое, что я услышала в новом мире, были его стоны... и предательский смех той, кого называла подругой.

Я умерла однажды – и вернулась в облинии леди Элисары, лишённой магии и уважения. Муж-дракон ненавидит меня, мечтает избавиться, но не подозревает: я больше не влюблённая дурочка.

Унижений не потерплю, а проверну сделку и изменю всё.

Но чем холоднее я, тем горячее слова изменника и сильнее интерес в драконьих глазах. Однако поздно, милый, я уже видела дно предательства, и второго падения не будет.

Одна беда — новое опасное чувство обжигает душу, и оно уже моё...

#

Отрывок

Он бьёт в самое сердце и замирает напротив, испепеляя взглядом:

— Я хочу развода. Окончательно и бесповоротно. Назови свою сумму, но будь благоразумна. Я предлагаю двадцать тысяч, и это более чем щедро.

— Двадцать тысяч? — Элисару будто облили холодной водой. — Во столько ты оцениваешь мою любовь? Это мало, Мориан, мне нужен ты! Мне не нужен развод, я просто хочу, чтобы ты меня любил!

— Я никогда тебя не полюблю, и будь проклят тот день, когда мой отец заключил этот дьявольский договор о браке и мне пришлось жениться на тебе! — Мориан хлопает дверью, а его жена остаётся одна в звенящей пустоте и рвёт на мелкие клочья бумагу с отступными за развод.

Жду вас на страницах шикарной истории!

С любовью, Ольга Ли!

Глава 4. Прощай, клетка!

Солнечный свет льётся даже сквозь мутное окно.

«А день обещает быть погожим, очень кстати, мои волосы будут выигрышно смотреться», — я рассматриваю пыльное стекло и угрюмые стены своей комнаты и вспоминаю, какие красивые у меня теперь волосы, прежде были жидкие мышинного цвета. Я постоянно что-то с ними делала: то красила, то наращивала, выучилась делать несколько удачных укладок.

Улыбаюсь своим мыслям, потягиваюсь в кровати и встаю.

Сегодня важный день, сегодня я выйду замуж и поставлю всё на эту ночь!

В комнату входит всё та же тихая служанка, кажется, Лора, на подносе свежий завтрак: тёплый хлеб, мёд, чай и даже сыр.

«Надо же, как расщедрилась Беллатрис напоследок!» — с удовольствием вдыхаю приятные запахи еды, пока девушка расставляет всё на выдавшем виды столике и поправляет простыни.

Вдруг она наклоняется ко мне, губы почти касаются моего уха:

— Господина Эдвика нашли в подвале.

Я приподнимаю бровь и беру хлеб:

— О-о? И что же он там забыл?

— Упал с лестницы, сломал руку, синяк на пол-лица, —

её пальцы дрожат, пока она наливает чай, — а самое интересное, что он не помнит, как там оказался.

Я макаю хлеб в мёд, откусываю кусочек и жмурюсь от удовольствия:

— Напился, наверное. Как всегда, мне показалось, что я слышала какой-то шум в коридоре ночью, наверное, это он и бродил.

Лора кивает, но её глаза полны такого удовлетворения, что я понимаю: к ней он тоже приходил ночами, её тоже брал силой и она не смела возразить.

— В конце концов, — отпиваю глоток чая, — если пить с обеда, то, конечно, вечером можно и с лестницы упасть. Небось шёл в подвал вина взять, да и упал.

— Госпожа Беллатрис в гневе, думает, что это не случайность, я слышала, когда приносила тёплую воду в его комнату, чтобы обтереть его. Он ещё и обмочился...

Я ставлю чашку и смотрю ей прямо в глаза:

— Странно, почему это она так думает, неужели кого-то подозревает? Никто бы не посмел, — усмехаюсь, — просто он неудачно упал.

Лора вдруг улыбается, впервые за всё время, что я её вижу:

— Да, госпожа, должно быть, так и есть. Мы все слышали шум, он как будто полз по коридору, так был пьян. Мелинда так и сказала.

Она кланяется и выходит, оставляя меня с мёдом, солн-

цем и приятными мыслями о том, как же весело сейчас змеиному отродью на пару с мамашей-гадюкой.

«Если Беллатрис зла, значит, скоро заявится и начнёт выступать, — я приступаю к потрясающе вкусному сыру, — надо побыстрее поесть, а то она любит заявиться почти сразу, как принесут еду».

Как в воду глядела — делаю последний глоток чая, когда в двери щёлкает ключ, а потом она распахивается так, словно её пнули.

«Что-то новенькое», — я перестаю улыбаться, натягиваю маску покорности, безнадёжности, и вот уже примерная девочка Кристенна готова встретить мачеху.

Беллатрис стоит на пороге багровая от ярости, пальцы сжаты в кулаки так, что ногти наверняка впиваются в ладони.
— Ты! — её ноздри раздуваются от гнева.

Я медленно встаю с кровати, поднимаю на змею глаза:

— Да, госпожа?

— Не притворяйся дурочкой! — она делает шаг вперёд.
— Ты знаешь, что случилось с Эдви́ком! Твоих рук дело!

Я наклоняю голову и изображаю лёгкое недоумение:

— Лора только что сказала мне, что он упал в подвале.
Надеюсь, он не сильно пострадал?

Глаза Беллатрис мечут молнии:

— Ты думаешь, я поверю, что это случайность?

Я беру чашку и наливаю туда остатки чая, веду себя так, словно не чувствую угрозы.

— Если вы считаете, что я как-то причастна к тому, что случилось с господином Эдвигом... то почему я всё ещё здесь? — недоумевающе смотрю на неё. — Разве я не сбежала бы, если бы совершила что-то подобное? Да и как? Где бы я взяла ключ, чтобы выбраться из комнаты и что-то сделать с ним?

Беллатрис замирает, её взгляд буквально сканирует моё лицо в поиске хоть какого-нибудь признака лжи или паники. Я почти физически чувствую, как ей хочется ударить меня, и вспоминаю все тычки и затрещины, которые девочка стала получать от неё стоило только заболеть отцу.

«Не посмеешь, — ухмыляется внутренний голос, — не накануне свадьбы, хоть ты и думаешь, что после брачной ночи меня с позором высекут на площади или повесят, а то и сдадут в бордель. Слишком уж тебе хочется, чтобы я потеряла право на своё наследство!»

При всём желании Беллатрис не находит ни малейшей трещины в моём спокойствии, не может осыпать меня хотя бы ругательствами напоследок.

«Я не дрогну, нет. Такого удовольствия тебе не доставлю!» — продолжаю разыгрывать кроткую девицу.

Наконец она делает резкий вдох и отступает к двери сделав вид, что поверила мне:

— Через час начнётся подготовка к свадьбе, — она тянет носом, — от тебя разит как от крестьянки, нужно помыться. Тебе ведь сегодня ещё нужно будет возлечь с мужем, —

в сладком голосе неприкрытая усмешка, решила уколоть напоследок хоть так.

Я опускаю глаза, скрывая торжество, потому что мой секрет в кожаном мешочке за деревяшкой в шкафу поможет мне разыграть блестящую партию.

Беллатрис выходит, и дверь захлопывается.

Снова беру в руки чашку с ещё тёплым чаем, облокачиваюсь на широкий подоконник и с улыбкой смотрю на солнечный двор.

Что ж, Кристенна, ты только что выиграла первый раунд.

Вскоре приходит всё та же Лора и проводит меня по узкому коридору в небольшую каменную комнату, где уже ждёт наполненная ванна. Пар клубится над водой, смешиваясь с ароматом каких-то трав, и я даже узнаю запах лаванды — редкая роскошь для Кристенны и обычное дело для других именитых обитателей дома.

Быстро раздеваюсь и погружаюсь в тёплую воду, закрываю глаза от удовольствия, вот теперь-то я чувствую себя дома, мне всего лишь была нужна горячая ванна.

Лора осторожно прикасается ко мне и осторожно моет мои волосы, её пальцы аккуратны, движения точны, она делает это не в первый раз.

— Какие же у вас прекрасные волосы, — шепчет она.

Я улыбаюсь и киваю, не открывая глаз.

Когда я выхожу, наконец-то чистая и приятно пахнущая, на стуле уже ждёт платье — не та поношенная тряпка, а что-

то новое, красивое.

«Я правильно сделала, что оставила мешочек с шариками в тайнике», — разглядываю светло-голубое платье с серебристой вышивкой по подолу — скромное, закрытое, но действительно новое, без заплат и потёртостей, ещё и не из грубой ткани.

— Вас ожидает охрана, они только что прибыли, как и предполагается, — шепчет Лора, пока помогает мне одеться, затягивает шнуровку на спине, поправляет складки.

У порога меня ждёт Беллатрис, по-прежнему изображающая мать года:

— А сейчас, милая, ты должна пройти в комнату сборов, — говорит она, — пришла твоя охрана, теперь они тебя оберегают, такова церемония.

Я благосклонно улыбаюсь двум высоким мужчинам, одетых в цвета графства Де Лоран, и озвучиваю свои планы:

— Это всё так волнительно, я... — слегка запинаясь, разыгрываю смущение, — я бы хотела попрощаться со своей комнатой, в последний раз помолиться там.

Беллатрис озадаченно смотрит на меня, но разве можно препятствовать молитве?!

«Я гораздо хитрее тебя, старая сука!» — улыбаюсь ей, потупив взор.

Едва вхожу в комнату, с улыбкой поворачиваюсь и захлопываю дверь перед самым её носом:

— Благодарю за понимание!

Пока у меня есть драгоценные минуты, бесшумно подхожу к шкафу и быстро достаю мешочек с шариками из тайника. Ключ я не трогаю, он мне больше не нужен, да и спрятать его некуда, мне бы мешочек с собой носить так, чтобы никто не заметил. Да и потом, даже если тайник вскрыется, я буду уже очень далеко отсюда, и Беллатрис, Эдвик и Алиссия не смогут меня достать.

Мешочек быстро отправляется ко мне под юбки и я ловко, привязываю его к ноге. За складками платья и нижней юбки его никто не заметит, а в свадебном платье такой прекрасный корсет, что мешочек отправится туда.

Через пару минут подхожу к двери и с застенчивой улыбкой открываю её:

— Теперь я готова, — в моём голосе торжество, а Беллатрис сверлит меня недоверчивым взглядом, но достать уже не может, а предъявить мне ей нечего.

Сборы проходят в той же самой примерочной, где я была вчера, и я снова точно так же на вторых ролях. Ассистентке мадам Бар — Стелле снова поручают моё платье, не удосужившись даже спросить моего мнения. Я вижу, что и Стелла, и мадам Бар озадачены таким развитием событий, ведь невеста — главное лицо свадьбы, а это я, но абсолютно кротко и безропотно кивают, когда Беллатрис приказным тоном говорит модистке, чтобы та убедилась, что все бриллианты приколоты к платью Алиссии как должно. А затем, взяв ненаглядную дочурку за руку, она отправляется пересчитывать

все драгоценности на ней.

— Как вы это терпите? — спрашивает Стелла, надевая на меня корсет, пока я, сославшись на холод, стою в нижней юбке от голубого платья.

— Привыкла, — всё так же кротко улыбаюсь ей.

Как только корсет надет и настаёт очередь нижней юбки, мне внезапно очень хочется в туалет.

— Лучше сейчас, чем в пышном платье, — улыбаюсь я, прикрывая за собой дверь. — Нет-нет, помощь не нужна, я в одной нижней юбке, справлюсь!

Быстро засовываю мешочек в корсет, прячу у самого сердца свою драгоценность и немного расслабляюсь: самое главное сделано, осталось лишь нарядиться и оказаться отсюда подальше.

За считанные секунды ловкая Стелла надевает на меня свадебное платье, расточая комплименты моей фигуре и тонкой талии.

— Приступим к наведению красоты? — подмигивает она мне. — Хотя вы и без того такая хорошенькая, что вам нужна самая малость.

— Благодарю, мне очень приятно! Я хочу, чтобы всё смотрелось натурально, почти незаметно, — улыбаюсь незатейливому комплименту.

— Так-так, посмотрим! — она раскрывает небольшой саквояж. — Краска для губ лучше нежно-розовая, румян — капельку, чтобы не выглядеть вульгарно.

Стелла колдует надо мной, и через несколько минут я более чем довольна лёгким нюдом на своём лице: этакая невинная девочка с зардевшимися щеками и нежными устами. Уверена, именно такой меня и увидел граф. «Увидел и захотел настолько, что решил жениться», — не даёт покоя мысль вкупе со смутным ощущением, что тут что-то нечисто.

Чисто-нечисто, с этим разберёмся, главное сейчас сделать всё по красоте, правильно сыграть.

— Мне очень нравится, — нисколько не кривлю душой, — вы настоящий мастер!

— Благодарю! — искренне улыбается Стелла. — Ну а теперь причёска!

— Можно локоны? — прошу я, глядя в зеркало. — Кажется, мне очень пойдёт!

Стелла улыбается, доставая щипцы, очень похожие на утюжок, только неэлектрические.

Когда всё готово, я поворачиваю голову и долго вглядываюсь в отражение: невеста. Охотница, а не жертва. Лиса под маской кроткого ягнёнка.

— Стелла, — говорю спокойно, — я хочу всю эту косметику, доставьте её в замок графа. Всю. Я оплачу лично и более того, отблагодарю вас отдельно, как только вступлю в свои права после свадьбы!

Она с улыбкой кивает, предвкушая щедрую оплату.

«Мы занимаемся сборами уже добрый час, но никто так и не приходит к невесте», — подмечаю я и улыбаюсь. Мне

это на руку.

Окидываю себя взглядом ещё раз, убеждаюсь, что выгляжу на всё сто, и выхожу в коридор, где ждёт охрана. Без неудобного шлейфа я гораздо более мобильна, и мне не нужна помощь в виде сверкающей бриллиантами Алиссии, несущей белый кусок ткани. Хитро же они решили привлечь внимание к следующей девушке на выданье в семье Де Пуат — замухрышка невеста, почти сельская дурочка, не покрашенная, без причёски, и Алиссия, сияющая аки ёлка в Новый год.

— Не будем никого ждать, — властно говорю я своим стражникам и поправляю перчатку. — Ведите меня к карете.

Из соседней комнаты доносится крик Алиссии:

— Где мои серьги?!

Охрана переглядывается, но я уже иду вперёд и не оглядываюсь: «Мне даже никто не удосужился дать хоть какие-то украшения. Ну ничего, дело не в цацках!»

Карета ждёт там, где я и думала, завидев её, готова бежать — так опостылела мне гнетущая атмосфера родового замка за эти два дня. Но я сдерживаюсь и продолжаю спокойно шагать. Каблуки новых туфель гулко стучат по брусчатке.

Один из охранников услужливо открывает дверцу, и я усаживаюсь, поправляя пышные юбки, и чувствуя, как согретый моим теплом мешочек с шариками прижимается к груди.

— Трогай, командует охранник откуда-то спереди.

Колеса скрипят, и замок Беллатрис остаётся позади.

А впереди — свадьба.

В дороге я успеваю поспать. Когда открываю глаза, понимаю, что лес, через который мы ехали, редет, а впереди виднеются крепостные стены города.

«Грай, этот город называется Грай, а замок Де Лоранов носит имя Грайхолм», — вспоминаю я.

Во все глаза смотрю на въезд.

Солнце становится золотистым, наступает золотой час, и мы въезжаем в замок, большой, величественный, отделанный чем-то похожим на мрамор.

«А мой будущий муж богат, — улыбаюсь я, — тут явно трещины в полу никто коврами не прикрывает из непонятной и неуместной экономии».

Во дворе всё кричит о богатстве: мраморные колонны обвиты розовыми цветами, везде висят синие яркие флаги с гербом Де Лоран, хорошо одетая прислуга снуёт туда-сюда, оживление и атмосфера праздника витают в воздухе.

— Приветствую вас, госпожа Де Пуат, — улыбается невысокая седая женщина, явно уполномоченная встретить меня. — Я — Клорисса Де Ман, тётка Кайдэна. Рада с вами познакомиться! Какая очаровательная невеста! А где же ваша семья?

— Благодарю, — улыбаюсь ей, изображая смущённую лань, — у моего брата возникли трудности со здоровьем, и матушка с сестрой вынуждены задержаться, поэтому я и

приехала одна — боялась опоздать на свадьбу. Всякое может случиться в дороге, лучше приехать с запасом.

— Разумно, — одобрительно кивает женщина. — Ах, как вы прелестны и юны, я не удивлена, что Кайдэн так быстро решил жениться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.